

Книга 1. Венок неудачнику

Продолжение. Начало в №4 (34)-2019, №5 (35)-2019, №6(36)-2019

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Незамѣтное, но немаловажное событие – Всероссийское бѣломонархическое совѣщаніе – состоялось въ Петроградѣ въ мартѣ 2008 года. Будучи заочно знакомъ съ организаторами совѣщанія, Салабинъ принялъ въ нёмъ живое участіе. Монархистовъ и національ-патріотовъ изъ Москвы, Владиміра, Иркутска, Кіева, Минска и другихъ краёвъ привлекло на берега Невы желаніе растормозить интеллигентно-застойное болото космополитичнаго «Питербурха».

Всѣхъ участниковъ было десятка четыре, а главнымъ результатомъ стало личное знакомство людей, прежде знавшихъ другъ о другѣ лишь понаслышкѣ и по перепискѣ. Такъ познакомился Салабинъ и съ питерцами, о которыхъ ничего не зналъ ранѣе. Забѣгая впередъ, скажемъ сразу, что изъ нихъ, вполне предсказуемо, не остылъ и остался на связи съ Салабинымъ только одинъ – тридцатилѣтній Николай Первухинъ. Другихъ, кто помоложе, соблазны или тяготы увели въ сторону, а кое-кто изъ людей постарше даже умеръ или погибъ.

Отъ Геннадія съ Николаемъ повелось неформальное Общество защиты отечественной исторіи и культуры «Петроградъ». Они поставили задачу добиваться удаленія съ карты города имѣнь вродѣ Свердловла, Белы Куна и подобныхъ.

Николай пропагандировалъ эти цѣли въ социальныхъ сѣтяхъ, а Салабинъ вѣлъ страничку Общества въ «Живомъ журналѣ». Въ интернетѣ размѣстили «карту Петрограда», гдѣ, напримѣръ, официальная улица Белы Куна именовалась проспектомъ Вячеслава Клыкова*, незадолго передъ тѣмъ умершаго; бывшая Полостровская набережная (у троцкистовъ – Свердловская) теперь носила имя Николая Второго; улицѣ Рубинштейна они вернули имя Троицкой – и такъ далѣе... Сѣтевая группа поддержки, собранная Николаемъ, насчитывала полторы сотни человекъ, однако активныхъ «штыковъ», какъ показала практика, едва ли было больше, чѣмъ пальцевъ на одной рукѣ.

---

* В. М. Клыковъ (1939–2006) – выдающийся русскій скульпторъ, авторъ многихъ памятниковъ въ Россіи и за рубежомъ, православный монархистъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣсколько разъ они осуществили пикетированіе улицъ съ одіозными именами: упомянутого Куна, затѣмъ Рылѣва (ул. Спасская), Пестеля (Пантелеймоновская), проспекта Энгельса... Послѣдней магистрали, какъ рѣшили въ «Петроградѣ», подобаеъ имя зачинателя русской литературы митрополита Илариона – автора «Слова о законѣ и благодати». А чтобы не обидѣть пианиста Рубинштейна, его имя присудили одной изъ позднѣйшихъ улицъ.

Николай заказывалъ самоклеящіяся таблички съ историческими названіями, которыя они съ Салабинымъ и однимъ-двумя рѣдкими помощниками клеили на стѣны подъ эмалевыя таблички казѣннаго образца.

Тѣхъ магистралей, что были созданы советской властью, Общество поначалу не трогало: во-первыхъ, казѣнные журналисты твердили, что всѣ изначальныя названія неприкосновенны (они же *историческія!* – какъ въ случаѣ съ Белой Куномъ или Энгельсомъ); во-вторыхъ, «Петроградъ» не считалъ себя вправѣ навязывать новыя названія явочнымъ порядкомъ... Предложить новое имя и вести за него агитацію – да, конечно! Писать письма въ Топонимическую комиссію – почему же нѣтъ? А клеить старыя названія подъ железными табличками – на то у Общества было и моральное, и гражданское право. Фасады при этомъ нѣсколько не страдали.

Но обнаружилась интересная закономерность... Когда они заклеили улицу Ленина (Широкую) на Петроградской Сторонѣ или улицу Рылѣва (Спасскую) въ центрѣ, то ихъ наклейки продержались больше года, но когда они прошли по «улицѣ Рубинштейна», то наклеекъ уже не стало черезъ полтора часа.

Въ послѣднемъ эпизодѣ былъ невольнымъ участникомъ коллега Салабина по писательскому цеху Иванъ Макаровичъ – и о немъ надо сказать особо.

Макарычъ былъ старше Салабина на добрыхъ два десятка лѣтъ, когда-то руководилъ крупными стройками, но это не погасило въ немъ любви къ литературѣ и страсти къ писательству. Отвѣтственная работа не позволила ему продолжить заочную учёбу въ Литинститутѣ, начальство ему сказала: баста! – хватить ѣздить на сессіи. Такъ Макарычъ остался «въ будняхъ великихъ строекъ» и не попалъ на праздникъ безшабашнаго творчества... Зато теперь имѣлъ настоящую біографію, а что Литинститутъ? – его даже Горькій не кончалъ и вполне обошѣлся... Только теперь Макарычъ не могъ ни говорить, ни думать ни о чѣмъ, кромѣ литературы, критики, публикацій, да кто что сказалъ и что не такъ сказалъ въ писательскомъ собраніи. Салабину онъ былъ сначала интересенъ этой одержимостью, Геннадій даже написалъ о немъ въ «Литературномъ Петербургѣ», а потомъ и предисловіе къ однотомнику Макарыча изготовилъ... Поэтому Макарычъ съ утроенной силой претендовалъ въ своёмъ стариковскомъ одиночествѣ на вниманіе Салабина. При этомъ былъ старикъ ревнивъ, невоздержанъ на языкъ, обидчивъ – оттого-то и былъ одинокъ и оттого дорожилъ Салабинымъ какъ послѣднимъ въ жизни достояніемъ. Старуха-жена его прямо винила въ томъ, что мужнинъ «крюковатый языкъ» оставилъ его на свѣтѣ безъ добрыхъ людей. Пріятели по прежней профессіи были разсѣяны по всѣмъ странѣмъ, а пріятели по перу – всѣ отшатнулись.

Да и Салабинъ уже начиналъ тяготиться. Только значительная разница въ годахъ не позволяла ему устраняться болѣе рѣшительно.

А проза у Макарыча была неплохая, особенно рассказы о военномъ дѣтствѣ, письмахъ съ фронта и вдовьихъ женскихъ судьбахъ. На фонѣ текущей питерской прозы, когда ушли такіе авторы, какъ Викторъ Курочкин и Федоръ Абрамовъ, писанія Ивана Макаровича должны были выдѣляться и отмѣчаться, но въ лихіе годы новаго тысячелѣтія ихъ мало кто замѣчалъ.

Когда Салабинъ сталъ редактировать Макарычу однотомникъ его избраннаго, тотъ обнаружилъ всю свою строптивость и упрямство: не всѣ свои ошибки авторъ былъ готовъ признавать, на его сторонѣ были его одержимость и два курса Литинститута, на сторонѣ редактора – только филологическое образованіе. Самъ-то ты хоть и можешь писать – но это къ дѣлу не относится, для меня ты только редакторъ. Однако лиха бѣда начало, звѣзда Ивана Макаровича стала восходить, черезъ годъ-другой сталъ онъ лауреатомъ литературной преміи города, а Салабинъ для него уже былъ какъ родной человекъ: то и дѣло вызванивалъ его Макарычъ, чтобы прогуляться съ нимъ по Невскому да вмѣстѣ почаёвничать въ случайномъ «Теремкѣ» подъ присланный друзьями съ Сѣвернаго Кавказа коньячокъ.

Но въ тотъ день, когда Салабинъ съ Николаемъ собрались на «улицу Рубинштейна», пришлось объяснить Макарычу, чѣмъ они будутъ заняты – и старый писатель напросился въ ихъ компанію.

Завершивъ дѣла эти праведныя, Салабинъ и Макарычъ остались вдвоёмъ, и старикъ испросилъ позволенія задать «вопросъ въ лобъ»:

– А не кажется вамъ, что вы сражаетесь съ вѣтряными мельницами? Ваше дѣло – литература! Вѣдь она же страдаетъ...

Салабинъ остановился на широкомъ тротуарѣ Невскаго проспекта и посмотрѣлъ на Макарыча въ упоръ:

– Какая литература? Да и что такое – литература?.. Въ такое время!

Иванъ Макаровичъ потерялъ даръ рѣчи. Они молча смотрѣли другъ на друга.

И Салабинъ продолжилъ:

– Донъ Кихоть, въ самомъ дѣлѣ – да, съ вѣтряками сражался. А мы сражаемся – со зломъ!

И въ этотъ моментъ позвонилъ ему Николай:

– Геннадій Серафимовичъ? Вотъ, иду я сейчасъ по Троицкой... Ни одной наклейки не осталось! Всѣ сняты!

Николай Первухинъ, какъ оказалось, былъ прописанъ съ матерью на злополучной улице «Белы Куна» – и сталъ естественнымъ соратникомъ Салабина и сопредѣвателемъ «Петрограда», не желая мириться съ прославленіемъ «краснаго мадьяра»-іудея, заливавшаго русской кровью Сибирь и полуостровъ Крымъ – какъ не могъ согласиться и съ журналистомъ Ерофеевымъ изъ Топонимической комиссіи, твердившимъ, что имя Куна неотмѣнимо – какъ «самое первое» для данной улицы, то есть «историческое»: вѣдь мы говоримъ о возвращеніи историческихъ названій – не такъ ли, господа?.. «Можетъ, онъ старается ради премьера Мейвеева, чье дѣтство и отрочество прошли на этой улицѣ?» – высказалъ Первухину свою догадку Салабинъ.

Но не только къ этому сводилась дѣятельность ихъ Общества. Кромѣ официальныхъ обращеній къ губернатору и въ комиссію, они провели два громкіхъ пикета, привлѣкшихъ вниманіе электронной «прессы». Провластная «Фонтанка» и «Пятый канал» сдали отснятый матеріаль куда надо, а православный каналъ «Союзъ» далъ четыре минуты репортажа въ эфиръ. Зато и дали «Союзу» по шапкѣ, отбивъ его сотрудникамъ охоту отвѣчать на приглашенія «Петрограда».

Однако же въ составѣ Топонимической комиссіи произошла *ротация* и губернатору рекомендовали возвратити десяти Советскимъ улицамъ имена Рождественскихъ. Тогда православный губернаторъ объявилъ съ перепугу трѣхлѣтній *мораторій* на любыя перемѣны въ городской топонимикѣ. А мелкій публицистъ Салабинъ отвѣтилъ электронной разсылкой своимъ адресатамъ, утверждая, что положеніе страны и народа останется плачевнымъ, пока карта Россіи будетъ смердѣть къ небу Свердловской областью, на мѣстѣ Святаго Креста будетъ торчать Будеѣнновскъ, а белы куны и энгельсы продѣлжаты пачкаты улицы Петрограда.

«Ну и чего вы добились? – могъ бы спросити его Иванъ Макаровичъ. – Ваше дѣло – это литература!».

На этотъ вопросъ Салабинъ отвѣчалъ себѣ самъ. Грѣшити по бумагѣ литературой – это одно, а чистую совѣсть имѣти – всё-таки отраднѣе, Макарычъ...

Тогда знакомство Салабина съ Красовымъ было ещё шапочнымъ, а чай съ коньякомъ отъ старыхъ друзей Макарыча уже начиналъ тяготити. Но время знало куда идти, и черезъ годъ-другой Салабинъ далеко не случайно повстрѣчалъ Красова на лѣтнемъ книжномъ салонѣ и подарилъ пріятелю свою книжицу, ещё не думая, что тотъ её прочитаетъ – и вообще не зная, что Красовъ знатокъ литературы, цѣнителъ Фолкнера, Чапека, и что эта встрѣча положить начало ихъ дружбѣ.

Вскорѣ Красовъ пригласилъ Салабина въ гости.

Ихъ бесѣда началась любопытно: Красовъ съ мѣста въ карьерѣ сталъ говорить о неизвѣстныхъ собесѣднику маркіонитахъ, о смутно памятныхъ со времёнъ «филфака» Оригенѣ, Кириллѣ Александрійскомъ – будто продолжая только что прерванный разговоръ. На самомъ же дѣлѣ это продолжался внутренній монологъ Красова, вызванный прочтеніемъ полученной книги, – только Салабинъ не сразу взялъ въ толкъ, что это вызвано его произведеніемъ.

Съ одной стороны, это было какъ бы лѣстно, а совѣмъ со стороны – обезкураживало.

По счастью, Салабинъ никогда не стѣснялся обнаружить своё невѣжество – онъ переспрашивалъ, а Красовъ охотно пускался въ разъясненія, которыя множились и развѣтвлялись; ему это ви-

димо нравилось, тѣмъ болѣе что Салабинъ понималъ его съ полуслова – чаще по наитію, а не по освѣдомлѣнности.

Но удивленіе Салабина росло: неужто его бытовая сатира, иронія или гротескъ рубежа тысячелѣтій скрываютъ въ себѣ нѣкую философію – и столь немалую, какъ кажется Красову? И вспомнилось, какъ одинъ русскій философъ благодарилъ Шеллинга за «минуты чарующихъ размысленій», навѣянныхъ работами нѣмца. Салабинъ въ молодости безпечно забылъ русскую фамилію... Теперь же онъ думаетъ: ну что жъ, я самъ вѣдь русскій, и эта забывчивость – увы, характерна для насъ.

* * *

Тѣмъ временемъ линія «бѣломонархическаго совѣщанія» развивалась такъ, какъ только и могла она развиваться въ эпоху нео-ельцинизма. Въ сѣти сыскались остряки, чтобы высмѣять даже слово «бѣломонархическое»: что, моль, за выдумка – развѣ можно быть красномонархическими?!. Имъ отвѣчали, что «бѣлые» были не всѣ монархистами, это во-первыхъ; и что среди всего того, что погубило бѣлыхъ, было не только коварство Антанты, но также и отсутствіе внятныхъ, привлекательныхъ лозунговъ у Доброарміи – роковое *непредрѣшенчество* о будущемъ государственномъ строеѣ Россіи...

Движеніе патриотическихъ организацій ещё при Ельцинѣ, по хитрымъ замысламъ «возглавить, чтобы обезвредить», пошло подѣ откосъ. Поэтому совѣщаніе 2008 года, даже свободное отъ провокаторовъ, не могло дать вѣсомыхъ плодовъ. Одинъ изъ руководителей той встрѣчи былъ сведѣнъ, не совсѣмъ по собственной волѣ, къ роли книжнаго издателя; другой оказался вскорѣ выдвинутъ изъ депутатствъ своей области, а позднѣе скрылся за границей; третій просто замолчалъ; четвёртый, побывавъ подѣ слѣдствіемъ и въ заключеніи по «русской» статьѣ, сталъ публицистомъ и экспертомъ на темы путинской оружейной славы.

Незадолго до того совѣщанія президентъ РФ произнёсъ свою «знаменитую мюнхенскую рѣчь» – она-то могла отчасти сбить настрой оппозиціи, но Салабинъ не дождался ощутимыхъ перемѣнъ генеральнаго курса и въ 2011 году опубликовалъ статью «Далеко ли отъ Мюнхена до Москвы?» – она даже вышла въ сборникѣ за счётъ городского бюджета, въ рамкахъ «помощи писателямъ»... Словно ему говорили: пишите, господа, пишите – хоть бы и въ тысячу экземпляровъ! Намъ вы не страшны и намъ вы не указъ, вы только галочка въ нашей Kultur-политикѣ...

Потомъ вѣдь были ещё «русскіе марши» съ полотнищами ДПНИ* и чѣрно-жѣлто-бѣлыми имперскими флагами, съ плакатами, а потомъ послѣдовало разоблаченіе самага ДПНИ, а потомъ обнаружилось, что нелегальная иммиграція вся теперь легальная, а потомъ ещё было... и потомъ снова было... и чего только не было... Чубайсъ не единожды ухмылялся въ телекамеры: «Что касается отношенія ко мнѣ такъ называемыхъ народныхъ массъ, то тутъ всё въ полномъ порядкѣ!».

Народъ ушѣлъ въ глухое выживаніе, страна РФ-ія громко вставала съ колѣнъ – то съ одного колѣна, то съ другого, то снова съ прежняго – и это всё подѣ музыку и телевизоръ, и всё – подѣ фанфары, и это – всё.

Салабинъ преподавалъ молодымъ людямъ окаянный англійскій – вѣдь круглосуточно работала реклама – и совѣсть Салабина страдала, конечно. Но дочка Маруся-Елена была передъ глазами какъ смягчающее вину обстоятельство. Изрѣдка онъ посѣщалъ писательскія посидѣлки, иногда они съ Николаемъ что-то затѣвали во славу Петрограда, но это не давало утѣшенія.

Надежда блеснула, когда русскіе генералы (и какъ они уцѣлели въ кадровой чехардѣ?), безъ команды сверху защитили Цхинвалъ отъ опьянѣвшихъ грузинъ. Дышать стало лѣгче, хотя и тошнило отъ присвоившихъ себѣ «побѣду» тандема Юпитера и Солнца, испугавшихся неминуемыхъ русскихъ автографовъ на обломкахъ «рейхстага» въ Тифлисѣ.

Тогда и началось сближеніе Салабина съ философомъ Красовымъ – ещё не раскрывъ подаренную книгу и отвѣчая на какія-то слова Салабина, Красовъ запомнился эпохальными словами:

– А вѣдь мало быть бѣлогвардейцемъ... Надо быть ещё и черносотенцемъ!

* Движеніе противъ нелегальной иммиграціи.

[Чубайсъ долженъ висѣть въ петлѣ!];

Тогда нѣсколько лѣтъ подряд случалось жаркое сухое лѣто. Глядя каждый день на чахлые саженцы вдоль проспекта, гдѣ прижился едва ли не одинъ изъ пяти, Салабинъ недѣлю смотрѣль-терпѣль, а потомъ пошѣлъ однажды отъ метро пѣшкомъ, чтобы приглядѣться...

Трестъ озеленителей дѣйствовалъ по правиламъ: опустили саженецъ корневищемъ внизъ, засыпали натуральной землѣй, въ мѣру уплотнили почву вокругъ ствола и даже, судя по виду лунки, однажды полили; лунку окружили землянымъ окаёмкомъ для удержанія влаги... Той влаги, того дождя, которыхъ не было и въ поминѣ. И всё такъ же – въ лѣто слѣдующее. И въ третье такое же лѣто. Но вѣдь всё по правиламъ! Только эти правила, утверждённые легендарно дождливымъ Питербурхомъ, не предусматривали засухи въ принципѣ.

Мало того, углублённая лунка обнажала шейку ствола – прежде защищённую въ питомникѣ землѣй – и та въ засуху трескалась на солнцѣ, а въ зимнюю стужу обмерзала льдомъ. Осѣнные ливни исправить засуху уже не могли, а морозы довершали чѣрное дѣло непогоды и озеленителей.

У саженцевъ текущаго года листья казались ещё зелѣными, и Салабинъ подошвами стлकивалъ въ лунку крошащійся бордюръ, чтобы закрыть отъ солнца и зноя уязвимую шейку ствола. При этомъ – зорко озирался, опасаясь быть обвинѣннымъ въ самоуправствѣ. По счастью, на него никто не обращалъ вниманія. Дома онъ наполнялъ водой канистру, а дочка, если уроки были сдѣланы, брала воду въ пластиковыхъ бутылкахъ, и они отправлялись на проспектъ.

Слѣдующей весной какая-то часть ихъ подопечныхъ оживала; озеленители убирали мертвечину и высаживали новое пополненіе мучениковъ. И то сказать: высаживались деревья слишкомъ близко отъ дорожнаго полотна, вибрація имъ тоже укорачивала вѣкъ.

Салабинъ написалъ письмо въ городскія газеты и высказалъ свои пожеланія озеленителямъ, но ни одна газета не обратила вниманія на этотъ вопль сумасшедшаго: миновали тѣ времена, когда подобныя письма достаивались хоть какого-то вниманія. Современнымъ критеріямъ скандальности информация Салабина не отвѣчала.

Къ счастью, періодъ засушливыхъ сезоновъ прошѣлъ, но ещё нѣсколько лѣтъ Салабинъ слѣдилъ изъ окна троллейбуса, какъ мучительно выживали «его» липки. А поздней осѣнью надо было снова разрушать окаёмъ новыхъ стандартныхъ лунокъ – во избѣжаніе обледенѣнія.

Потомъ возникло Общество «Петроградъ» и борьба за праведную топонимику; потомъ появилась Ирина и незамѣтно подросла Маруся; а потомъ пришлось принять Салабину должность въ русскоязычной турецкой компаніи...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

За то время, что Салабинъ пробылъ въ Туретчинѣ, въ морскихъ компаніяхъ Петрограда произошло рѣшительное омоложение кадровъ: логистика, агентированіе и ужъ тѣмъ болѣе морскія перевозки теперь полностью находились въ рукахъ увѣренныхъ молодцовъ, воспринявшихъ переходъ отъ ханжества къ цинизму, отъ социальнаго государства къ невменяемому рынку какъ естественную перемѣну. По слухамъ, ротация кадровъ не обошла и компанію Лѣни Воденко: дочь старика Тарасыча утратила бразды правленія и пропала въ неизвѣстномъ направленіи, самъ Тарасычъ незадолго передъ этимъ умеръ, да и прежнихъ сослуживцевъ не было въ предѣлахъ видимости.

Маруся была уже студенткой выпускнаго курса юридическаго факультета (на платномъ отдѣленіи, конечно), Салабинъ былъ теперь гораздо свободнѣе, но почти всё время уходило на попытки трудоустройства. Но тутъ въ его жизнь вошли одарѣнныя дѣти малообезпеченныхъ семей, а вслѣдъ за тѣмъ – удалыя матроны и тѣтушки-методистки: «Мы знаемъ – КАКЪ!..»

«Но не знаете, чему!» – договаривалъ за нихъ Салабинъ. Ученіе въ Аничковомъ сводилось къ овладенію формами отчётовъ, плановъ, программъ и къ составленію методическихъ указаній для всякихъ массовыхъ мѣропріятій. Салабинъ догадался, что это всё тотъ же троцкизмъ, насаждавшій когда-то въ арміи институтъ комиссаровъ: «Вы умѣете воевать, но не знаете – за что! Мы вамъ расскажемъ!..»

Несмотря на то, что Салабинъ скоро сжился съ дѣвчонками и мальчишками изъ малоимущихъ семей, составлявшихъ его «паству», онъ черезъ годъ сбѣжалъ отъ самодурственныхъ тѣтокъ УДОДа

въ морскую академію – «Макаровку», гдѣ требовались неприхотливые преподаватели англійскаго, согласные тянуть полную ставку за шесть тысяч тогдашнихъ рублей. Но это отдѣльный сюжетъ на тему начальственнаго произвола и двойной бухгалтеріи.

А вскорѣ онъ пересталъ посѣщать и альтернативные сходки «городскаго союза писателей» у *бывшаго поэта*. Въ ухахъ стояли слова одного сѣдовласаго историка, который какъ-то процитировалъ Пушкина: «Война важнѣе всѣхъ собачьихъ комедій литературы.» Но гдѣ ты, настоящая война, а не мышьяная возня самозваныхъ вождей между собою?

* * *

Настоящій ли былъ писатель «Васенька» Ардальоновъ, познакомившій Салабина съ Павломъ Свѣтовымъ, про то совѣсть Салабина умалчиваетъ, однако диссидентскій стажъ Ардальонова былъ самый настоящій – съ советской поры. Первый срокъ онъ отбылъ за самиздатскіе публикаціи, второй срокъ получилъ отъ демократовъ – по иску одного популярнаго актѣра въ раввинской шляпѣ, ссудившаго Ардальонова нѣкоторой суммой на изданіе энциклопедіи «Храмы Россіи» и каковую сумму Ардальоновъ не вернулъ, проигравши еѣ въ подпольномъ казино; отпечатанный тиражъ энциклопедіи оказался подъ арестомъ. Въ Союзъ писателей Россіи Ардальоновъ былъ принятъ изъ уваженія къ его трѣхтомнику прозы, изданной за счѣтъ автора; издаваться «за счѣтъ милостей безбожной власти» Василій рѣшительно отказывался. Поэтому далѣе онъ ограничился изданіемъ только журнала о «топорѣ», тиражомъ отъ четырехъ до шестнадцати экземпляровъ (въ зависимости отъ числа публикуемыхъ авторовъ). По профессіи Ардальоновъ былъ астрономъ или астрофизикъ, это не имѣло народнохозяйственнаго значенія. Уже извѣстный читателю старикъ Иванъ Макаровичъ, человѣкъ советскаго воспитанія, говорилъ объ Ардальоновѣ не иначе какъ «очаровательный Василій Ивановичъ». Кто-то привлѣкъ Салабина на собраніе «Русскаго философскаго общества имени Н. Н. Страхова» – тамъ тоже подвизался Ардальоновъ. Свѣтовъ Общества не посѣщаль, но имъ обоимъ звонилъ.

– Гена? Привѣтъ тебѣ, Гена! Маленькій вопросъ, не болѣе того... Что ты думаешь о Ротшильдахъ? Вотъ же крапивное сѣмя, а?!

Провентилировавъ тему, онъ переходилъ къ приглашеніямъ на кубанскій борщъ и на кубанскую картошку, или на азовскую тараньку подъ завѣтную «Бѣленькую».

– Посидимъ по-христіански, глаза въ глаза! Ты вѣдь христіанинъ, Гена! Такъ или не такъ?

Если бы не Павелъ, ожидающій Салабина сегодня, то могъ бы Салабинъ и не узнать кой-чего новаго о «талантливѣйшемъ советскомъ поэтѣ». А такъ, по дорогѣ къ Павлу, онъ угодилъ въ «литературный» поѣздъ метро, изукрашенный узорочьемъ цитатъ, орнаментомъ изъ книжныхъ корешковъ – и сразу вляпался въ нѣчто знакомое со школьной скамьи...

«Я – поэтъ. Этимъ и интересень. Объ этомъ и пишу. Объ остальномъ – если только отстоялось.»

Гмь! Въ школѣ намъ скармливали только первую часть цитаты... А теперь сообщаютъ продолженіе.

А вѣдь могъ бы всё это выразить и покороче, думаетъ Салабинъ: «Я – поэтъ. Остальное – отстой.»

И вспоминается Франсуаза, писавшая, что дѣлаетъ диссертацию по Аполлинэру, Сандрару и этому Маякоцкому – о поискѣ человѣкомъ себя въ этомъ мірѣ. Поиски Аполлинэра и Сандрара – возможно, но поиски Маякоцкимъ себя?! Онъ просто самоутверждался любыми доступными способами. Но Франсуазѣ очень хотѣлось добавить въ диссертацию, какъ въ тортъ, ещё и русскую вишенку. «Русскій языкъ – это моѣ приключеніе», говорила она не безъ гордости.

Чтобъ не видѣть маяковской саморекламы, Салабинъ переходитъ на другую сторону вагона... Ихъ флиртъ съ Франсуазой не имѣлъ перспективъ и былъ обречёнъ; но однажды онъ позвонилъ ей по телефону, который она оставила:

– Когда будете во Франціи, позвоните.

«Прошли тѣ времена, когда я бывалъ во Франціи!» – сказалъ себѣ тогда Салабинъ. А когда онъ позвонилъ ей въ Бордо, Франсуазы тамъ уже не было: она работала в университетѣ Кана – въ Кальвадосѣ. Объ этомъ сообщила словоохотливая мама Франсуазы.

Выѣхать изъ морока девяностыхъ и повидать Франсуазу на ея родинѣ – объ этомъ думать было

нечего: онъ еле могъ кормить семью, которая была ещё семьёй, несмотря на движеніе къ разводу. Поднимая голову воспоминаній, Салабинъ утыкается взглядомъ въ другую цитату того же автора:

Изругивая,
        вымаливая,
                        рѣзая,
Продираясь за кѣмъ-то,
                        вгрызаясь въ бока,
Въ небѣ,
        Красномъ, какъ Марсельеза,
Взрагиваль,
        околѣвая,
                        закать.

Ахъ! Уххъ! Угу-гу... Не пошѣлъ бы ты, аффторъ, въ баню?

«Бѣдная Франсуаза! Хотя спасти её можетъ Сандраръ. За Аполлинэра не поручусь...».

При первой же возможности она, патриотка Аквитаніи, изъ Кальвадоса вернётся на свой любимый югъ, на свой Midi de France. А что ей дѣлать, напримѣръ, въ Россіи? – «искать себя въ окружающемъ мірѣ»? Это было бы даже не смѣшно. Салабинъ сильно подозрѣвалъ, что диссертация Франсуазы – спасибо Маякоцкому – всё-таки смѣшная. Даже на разстояніи и даже апріори – Салабину смѣшно.

Но вотъ и Васильевскій, который совсѣмъ не выглядитъ островомъ. Павелъ, предупрежденный домофономъ, будетъ поджидать Салабина у лифта, а увидѣвъ гостя поднимающимся по лѣстницѣ, картинно воздѣнетъ руки въ восторгѣ изумленія.

Затѣмъ будетъ хлопотать на кухнѣ, усадивъ гостя за пока ещё пустынный столъ, будетъ балагурить, разогрѣвать свой борщъ, вскрывать консервы, потомъ вознамѣрится рѣзать овощи, не отряхнувъ даже воду, которой тѣ омывались, и Салабинъ отниметъ у него огурцы съ помидорами, потребовавъ полотенце.

Наконецъ онъ извлечётъ изъ шкафа и торжественно водрузитъ на столъ «Бѣленькую», «Кубанскую» либо «Майкопскую», разставитъ стопки – и Салабинъ украдкой посмотритъ свою на свѣтъ: благо что салфетки на столѣ имѣются.

Выпивъ и наговорившись, Павелъ пойдѣтъ провожать Салабина къ троллейбусу/автобусу, держа гостя за локоть, но, слава Богу, троллейбусъ ли, автобусъ ли – долго ждать себя не заставитъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

– Папа, это ты меня такъ ненавидишь?.. что чайники скидываешь въ унитазъ – и не смываешь!

– Какъ у тебя, дочка, повернулся языкъ такое сказать?

– Ну а какъ ещё понимать?

– Ужъ лучше понимай, что я, какъ французъ, воду экономлю... Накопятся чайники – тогда солью!

– А французъ тутъ при чѣмъ?

– А мнѣ рассказывалъ пріятель... онъ дочку выдалъ за француза... Свѣкоръ со свекровью подгадываютъ время въ туалетъ, чтобы воду спускать обоимъ за разъ.

– Уу-у!.. Не можетъ быть!

– Всѣ можетъ... Говорить, видѣлъ самъ. Но у нея теперь новый мужъ, у дочки его... Нѣтъ, но какъ ты мнѣ такое сказать могла?! Лена! (*Въ сердцахъ онъ называетъ её не Марусей, а согласно паспорту.*) Мало ли какъ бываетъ, по разсѣянности... Да телефонъ зазвонилъ!..

– А потомъ унитазъ чернѣть!

– Да, чернѣть... – съ убитымъ видомъ говоритъ Салабинъ.

Зато свой выговоръ отцу она начала словомъ «папа» – а такое рѣдко отъ нея услышишь. Она взрослая теперь, безъ пяти минутъ замужемъ. Ея Андрей Салабину нравится: мастеровитый, вежливый, неглупый, неоконченное высшее... Понялъ парень, что Политехъ его мало чему для жизни научить: владѣть и такъ полудюжиной профессіей – и въ каждой по-настоящему мастеръ. Ну, дай-то Богъ!

А дочка – это недостаток воспитания. И отцовская наследственность. Онъ самъ не разъ лопнул себя на томъ, что рѣдко обращается къ собесѣднику по имени, обходится голой фразой и мѣстоименіемъ... Хотя Маруся ещё школьницей прочла однажды вслухъ изъ «Родной рѣчи» – о томъ, что нѣтъ пріятнѣе музыки для человѣческаго слуха, чѣмъ услышать обращеніе къ себѣ по имени. И Салабинъ ударилъ себя въ грудь: какой же я дундукъ! И самъ такой, и дочку не приучилъ, а прочитанное не пошло ей впрокъ... Пока была маленькой, сама говорила «папа». А взрослою уже не научишь, когда самъ дуракъ. Привычка – вторая натура; когда нѣтъ привычекъ, полезныхъ или вредныхъ – ты ни самъ себѣ, ни кому другому не интересенъ.

А ещё, возможно, отецъ и дочь одинаково мнительны. Съ тѣхъ поръ какъ дѣтямъ въ школѣ преподали уроки *валеологии* и сдѣлали ихъ *процессуально самостоятельными*, имъ палець въ ротъ не клади...

И конечно, ей обидно, что отецъ уже не молодъ – и не тотъ авторитетъ, какимъ для нея былъ прежде... Теперь – Андрюша авторитетъ. Ну, дай имъ Богъ.

Помнить ли она, кто научилъ её кататься на велосипедѣ? Навѣрно, всё-таки помнить – дѣтство же! Когда-то онъ пришёлъ домой, купивъ утюгъ съ прибабасами, и удостоился восклицанія:

– Папа, ты – гений!

Школярское восклицаніе, а было всё равно пріятно.

– Маруся, какія ты знаешь примѣты весны?

Дочка трясётъ головой и кладётъ наушники на столъ.

– Что ты говорилъ?

– Знаешь примѣты весны?

– Не помню.

– Грачи прилетѣли!

– И что?

– Поздравляю!

Голосъ у дочки смягчился:

– Ты видѣлъ грачей?

– Видѣлъ, видѣлъ...

Какой же ты мнительный, Салабинъ!.. Если дочка днями ходитъ молча мимо, значить – она въ наушникахъ.

А вѣдь былъ ещё случай, когда Салабинъ навѣщалъ деревья-подростки «у себя въ саду», то есть въ тенистомъ углу двора, и вдругъ въ начинавшихся сумеркахъ передъ нимъ возникла дочка, возвратившаяся изъ города... Она съ молчаливымъ вопросомъ смотрѣла на отца.

– Смотри, дуся, какой каштанчикъ!.. Его годъ назадъ скосилъ таджикъ своей косилкой, но я поймалъ его по горячимъ слѣдамъ, привёлъ сюда за шкуру и ткнулъ носомъ... «Я не видѣлъ, я не видѣлъ!..» И этотъ самый таджикъ, я думаю, потомъ построилъ клетки вокругъ этихъ малышей – дубковъ, рябинъ, и этому каштану тоже... Я думалъ, онъ уже пропалъ!.. Ан нѣтъ, хоть слабые листочки, а выпустилъ!

И онъ повёлъ её къ прошлогоднимъ саженцамъ-липкамъ, поставленнымъ коммунальщиками, изъ коихъ одна стояла съ набухшими сѣро-зелёными почками, но никакъ не распускалась...

– А что съ ней? – спросила Маруся.

– Я поливалъ – и долго не могъ понять, въ чёмъ дѣло. Живая вѣдь! А это она корни отращиваетъ, ей оторвали ихъ при посадкѣ. Не повезло!

Зато повезло Салабину: онъ устроилъ маленькую экскурсію дочкѣ, и она не уклонилась, а раздѣлила его впечатлѣнія...

* * *

У созерцателя всегда копятся, накапливаются вещи и мысли – и сохраняются *на всякій случай*, который никогда не наступитъ: вѣдь съ нами происходятъ далеко не всякіе случаи, а только *наши*.

Напримѣръ, когда-то молодому Салабину нравилась одна дѣвушка, встрѣчаемая въ метро; онъ представлялъ себѣ, какъ съ ней знакомится, они начинаютъ видѣться, встрѣчаться...

Напримѣрь, онъ говорить ей:

– Когда вижу васъ въ метро – значить, опаздываю на работу!

Она дѣлаетъ непонимающее лицо... Или молча пролетаетъ мимо.

Или, въ лучшемъ случаѣ, онъ поясняетъ ей:

– На самомъ дѣлѣ, я другое хотѣлъ сказать: что не могу васъ видѣть такъ часто, какъ хочется...

И удаётся выяснитъ, въ какое время она бываетъ здѣсь на обратномъ пути, возвращаясь домой.

А можетъ, пуще того, они договорятся о свиданіи...

Но никогда онъ съ ней не заговорилъ. Это не его былъ случай – это былъ *всякій*.

А потомъ онъ пересталъ её видѣть: перемѣнила работу, вышла замужъ, повстрѣчала *свой* случай.

Это надо быть британскимъ lawyer*омъ, чтобы ни единого случая не упустить – ни своего, ни всякаго чужого. Когда Нйль Эвероттъ защищалъ якобы интересы Балтійскаго пароходства противъ мошенника изъ Новой Каледоніи, то ежемѣсячно выставлялъ счета на оплату своей работы, съ такими вотъ строчками:

– переписка съ адвокатами нашихъ оппонентовъ;

– посѣщеніе контрагентовъ нашихъ оппонентовъ;

– чтеніе судебныхъ постановленій;

– переговоры съ адвокатами нашихъ оппонентовъ;

– составленіе заявленій и апелляцій;

– обсужденіе хода процессуальныхъ дѣйствій съ вашимъ мистеромъ Салабинымъ по телефону;

– авиабилеты Лондонъ-Петербургъ-Лондонъ (апрель 1994);

– авиабилеты Лондонъ-Марсель-Лондонъ (августъ 1994);

– проживаніе въ гостиницахъ...

И каждая подобная строка сопровождалась внушительной суммой въ фунтахъ стерлинговъ.

«Ибо въ потѣ лица ты будешь добывать свой хлѣбъ – отнимая чужой.»

А русскіе, говоритъ Салабинъ, торопятся не по Ветхому Завѣту, а какъ Богъ на душу положить. Кстати, синагога – это греческое слово: «помѣщеніе для собраний». Какъ это на ивритѣ – мало кому извѣстно, а на постсоветскомъ идишѣ – тусовка... Какъ-то такъ.

И, видно, это неспроста. Какъ сказалъ одинъ писатель, читать котораго нравилось Салабину, *život je jinder, la vie est ailleurs**... А въ советское время это внушалось намъ специально: диссиденты это знали даже мозгомъ своихъ костей.

Едва прошагавъ эту мысль, Салабинъ спотыкается: О!.. Теперь не только въ метро – уже и на троллейбусныхъ остановкахъ улыбается изъ шарфика мадамъ Вершебунская: «Давайте будемъ говорить по-петербургски!»

Что за сепаратизмъ такой! Однако понять её можно: если бы «говорить по-русски!» – это же *экстремизмъ* и *разжиганіе*... Да вы разбудите среди ночи Пучина, онъ вамъ тутъ же это подтвердитъ (Салабинъ замираетъ и спрашиваетъ себя: это опечатка? – или это я такъ сказалъ?)!

Конечно, «русская» статья УК мадамъ Вершебунской не грозитъ, но она и сама не горитъ желаніемъ говорить именно «по-русски»: ея столбики учатъ насъ удареніямъ – это эскортъ, пикникъ, паноптикумъ, апофеозъ, и гдѣ-нибудь случайно – договоръ. Она просто подхалтуриваетъ: работая при губернаторѣ въ Совѣтѣ по интеллигентской рѣчи, такую возможность она имѣетъ и никому не отдастъ.

Съ минуту Салабинъ смотритъ на кокетливо сложенный ротикъ и шарфикъ: мадамъ будто вышла сейчасъ изъ французскаго консульства, получивъ тамошній орденочъ. Сморгнувъ обаяніе мадамъ, Салабинъ шагаетъ дальше. Но передъ глазами ещё порхаетъ «крылатая» цитата изъ Максима Горькаго, проставленная подъ столбиками словъ «по-петербургски»: «Слова – одежда всѣхъ фактовъ, всѣхъ мыслей.»

Здѣсь Горькій чего-то недодумалъ, торопясь на революцію. Голые факты свободно обходятся безъ «одежды», а вотъ съ мыслями всё сложнѣе. Безъ словъ онѣ не существуютъ. Слова – это *мыслемоформы*? Форма существованія мыслей. Стало быть – не одежда, а само тѣло. Иероглифъ тогда – что? Это не слово, какъ будто... Это образъ, картинка, знакъ понятія – идеограмма. Но чтобы къ выводу прійти, надо познакомиться съ китайскимъ...

* Жизнь – это не здѣсь. (*чешск., франц.*).

И Салабинъ беззвучно хохочетъ надъ собой – уже и такъ неудавшимся полиглотомъ...

Мысли кажутся ему собраніями словъ, группами заговорщиковъ, которыхъ преступная власть можетъ изобличить только посредствомъ внедрѣнной синтаксической ошибки.

Красовъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда-то, по прибытіи Салабина въ Стамбуль, они съ Калашниковымъ рѣшили, что турки-захватчики были не въ состояніи правильно произнести «Константинополи» – и сократили имя города въ «Истанбуль». Но потомъ оказалось, что это не такъ. Турки взяли со слуха греческое сочетаніе «ис-тын-пѳли» (εις την Πόλη) – то есть «въ Городъ, въ Городъ». Для Византіи слово Городъ – это уважительная кличка столицы. Да и сейчасъ Городъ съ большой буквы – η Πόλη – для любого грека какъ нашъ «Цареградъ».

А звукъ «п» послѣ «м» и «н» всегда озвончается. Такъ и получился Istanbul. Произнести Константинополь турки даже не пытались – а вотъ владѣютъ же имъ больше четырёхъ столѣтій. Жестокіе побѣдили изнѣженныхъ, самонадѣянныхъ...

Теперь, по возвращеніи въ Стамбуль, возобновилась для Салабина безцвѣтная рутина. Но, къ счастью, за предѣлами рутины оставались: греческое телевидѣніе, на худой конецъ – дебильное россійское, и – русская публицистика въ интернетѣ, переписка съ людьми... Въ эти вечера на Босфорѣ, вспоминая спонтанныя, нерѣдко сбивчивыя речи Красова, смогъ Салабинъ понять, насколько цѣнна для него эта дружба.

Какъ философъ, Красовъ былъ достаточно страненъ – настоящая бѣлая ворона. И карьера у него была странная, а ещё болѣе странной стала его посткарьерная жизнь. Его сужденія, перемежаемая переходами на школьные годы или офицерскую службу, а потомъ опять на какого-нибудь Оригена или Филона Александрійскаго, – возникали теперь въ памяти Салабина, и онъ радовался, что память, слава Богу, его ещё не подводитъ.

Красовъ родился въ Днепропетровскѣ въ родильномъ домѣ на Философской улицѣ; мать пріѣхала на сносяхъ въ этотъ городъ къ сестрѣ. Но узналъ онъ объ этомъ уже взрослымъ, когда прочёлъ адресъ кондитерской фабрики на коробкѣ конфетъ.

– Смотри, мама, улица – Философская!

– Такъ ты же, сынокъ, на этой улицѣ родился! – воскликнула мать.

Выходить, было на роду ему написано...

Мать потому поѣхала къ сестрѣ, что осталась передъ родами одна: мужъ её бросилъ и подался по міру на гастроли. Этотъ мужъ окончилъ музыкальное училище и руководилъ дѣтскимъ оркестромъ въ Домѣ пионеровъ; тамъ увлѣкся мастерицей рукодѣлья – будущей матерью Дмитрія Красова – и женился на ней; но потомъ скрылся въ неизвѣстномъ направленіи – отъ суда за растленіе малолѣтнихъ... Мать Красова получила разводъ черезъ нѣсколько лѣтъ какъ съ «безвѣстно отсутствующимъ супругомъ». Всѣ фотографіи бѣлаго мужа она сожгла, Красовъ росъ при отчимѣ-агрономѣ, а всѣ его вопросы объ отцѣ были матерью упразднены. «Просто жидяра!» – вырвалось однажды у неё.

– Правда, что ли? – спросилъ сынъ.

– По паспорту – русскій, а по натурѣ – либераль-гастролёръ!

Отчимъ сталъ Красову отцомъ, а красавицѣ женѣ – прекраснымъ мужемъ, но рѣчи объ усыновленіи Дмитрія и смѣнѣ фамиліи никогда не возникало. Что мать, что отчимъ говорили ему «Митя, сынокъ» – и всё было прекрасно.

Мать очень хотѣла, чтобы сынъ ея сталъ учёнымъ, а все способности к этому у парня были. Митя окончилъ школу съ золотой медалью и поѣхалъ въ Петроградъ, какъ говорилъ отчимъ, или въ Ленинградъ, какъ говорила мать, – поступать на философскій факультетъ. Поступилъ и сталъ учиться, дружа съ библиотекой больше чѣмъ съ прекраснымъ поломъ – да и влюблялся исключительно въ читальныхъ залахъ. Впрочемъ, эта пора его жизни была затронута вскользь и Салабину не извѣстна.

На философскихъ факультетахъ хорошо преподавали математику и естественныя науки, а воен-

ная кафедра готовила артиллеристовъ. Красовъ, не будучи потомственнымъ философомъ и, главное, не будучи гражданиномъ Сѣверной Пальмиры, былъ по окончаніи университета призванъ на службу офицеромъ – и служилъ за Полярнымъ кругомъ, въ Ленинградскомъ ВО. Эти два года службы – старшимъ офицеромъ гаубичной батареи, потомъ командиромъ батареи – остались въ его памяти самой безмятежной и счастливой порой, несмотря на ночѣвки на снѣгу у костра, когда просыпаешься каждая пятнадцать минутъ: одна сторона тѣла замѣрзла, а другая вотъ-вотъ подгорить. Но это бывало только на ученіяхъ. Онъ былъ холостъ, на хорошемъ счету у начальниковъ и былъ справедливъ съ подчинѣнными. Въ первый же отпускъ – двухмѣсячный! – онъ оформилъ себѣ маршрутныи листъ, включавшій Камчатку, Командорскіе острова, Владивостокъ, Бухару, Самаркандъ, Душанбе, Нижній Новгородъ и Калининградъ. А когда былъ въ командировкѣ въ Ленинградъ (Петроградъ), то успѣлъ жениться – и не пожалѣть объ этомъ.

Пожалѣть успѣлъ черезъ мѣсяць-другой, когда вернулся изъ арміи. Они были съ женой обречены заниматься безконечнымъ перетягиваніемъ каната каждый въ свою сторону, потому что женщина была диктаторомъ по натурѣ – къ тому же мнительнымъ, подозрительнымъ, какими всегда въ исторіи становились диктаторы. Супруги въ теченіе года развелись.

Красовъ уже работалъ научнымъ редакторомъ въ Библиотекѣ Академіи наукъ: перечитывалъ и классифицировалъ диссертациі и монографіи философовъ, социологовъ и религіовѣдовъ (тогда именовавшихся научными атеистами, то есть безбожниками). Безъ вниманія прекрасныхъ дамъ Красовъ не остался: Питеръ – городъ большой, огорчѣнныхъ и притомъ привлекательныхъ женщинъ достаточно. Методомъ пробъ и ошибокъ Дмитрій къ четвёртому году службы въ академической библиотекѣ нашѣлъ себѣ мать своихъ будущихъ дѣтей и возобновилъ попытки устроиться въ учебный институтъ преподавателемъ.

Тутъ впору сказать, что онъ всю жизнь оставался безпартійнымъ человѣкомъ.

И здесь надо намъ остановиться и задуматься. Дѣйствительно, могъ ли такой философъ какъ Дмитрій Красовъ быть членомъ какой-нибудь современной политической партіи? Всѣ вороны должны были имѣть чѣрные крылья и сѣрую шею: бѣлой воронѣ не удалось бы выжить. Тѣмъ не менѣе, какъ ни странно, Дмитрій Красовъ прошѣлъ черезъ вереницу высшихъ учебныхъ заведеній, гражданскихъ и военныхъ, всюду задерживаясь на два года, въ теченіе которыхъ готовились условія для его ухода. Въ партію онъ не вступалъ, въ аспирантуру его не брали, но главнымъ его недостаткомъ – самымъ нетерпимымъ въ косной вузовской средѣ – былъ студенческой спросъ на Красова-лектора. Стоило ему замѣнить заболѣвшаго преподавателя, какъ студенты переставали посѣщать лекціи прежняго и начинали просить, чтобы дали имъ «этого новаго». Такое особенно было недопустимо въ вузахъ военныхъ.

Зато въ вузахъ былъ у Красова продолжительный отпускъ, и онъ уѣзжалъ на провинціальныя стройки маляромъ-высотникомъ, достигнувъ на этомъ поприщѣ 5-го разряда.

– Мы на любой высотѣ ходили по трубамъ безъ страховки...

– Какого діаметра? – обезпokoился Салабинъ.

– Десять сантиметровъ.

– Не можетъ быть!

– Ещё какъ может! – пояснялъ Красовъ. – С поясами да цепями много не наработаешь. Ходишь – и даже не думаешь, на какой ты высотѣ. Тутъ главное – знать, что дѣлать, если оступишься: падать вдоль трубы или балки, хватаясь за неё всѣми конечностями – а дальше перехватывай руками, добрайся до крестовины или площадки. Если твѣрдо это знаешь, зазубрилъ до рефлекса, то ничего не случится: не оступишься. Но вотъ алкоголь – категорически нельзя. Если наканунѣ выпилъ, то уже и по доскѣ не пройдѣшь. Страхъ появляется.

Потомъ возвращался Дмитрій Михайловичъ къ студентамъ и книгамъ, посѣщалъ очередного завѣдующаго кафедрой и говорилъ, что хочетъ диссертацию защищать.

– Голубчикъ, да зачѣмъ это вамъ нужно?! – изумлялся очередной завѣдующій.

И означалъ этотъ вопросъ самое искреннее участіе: зачѣмъ, миль-человѣкъ, тебѣ и намъ это надо? Ты же не членъ партіи, ты же просто счастливый человѣкъ, любимецъ студентовъ и женщинъ и прочая, и прочая...

Всё же Красовъ защитилъ диссертацию въ 1989 году, уже въ возрастѣ 38 лѣтъ, въ сибирскомъ университетѣ, а сумѣлъ проработать въ должности доцента очередные два роковые года...

– Словно я въ какой-то реестръ Кашея попалъ! – восклицалъ Красовъ. – То ли Вербицкая меня вычеркнула, то ли деканъ-сенаторъ?..

Салабинъ думалъ иначе: неугодныхъ декановъ, какъ профессора-историка Фроянова, должна была выкидывать Вербицкая, а доцента выкидывать – это ей не по чину, и не къ лицу. Доцента, яшень пень, выкинулъ деканъ философъ и онъ же сенаторъ Совѣта Федерации...

Читатель, вѣроятно, давно уже понялъ, что предъявленная Рославлеву карточка Красова была, мягко говоря, устаревшей – и, строго говоря, недѣйствительной. Для университета онъ былъ теперь челоуѣкомъ съ улицы. Только съ его учёной степенью администрации не могли ничего подѣлать.

* * *

...Теперь, съ подачи Кремля, какъ только появляются два-три «бѣженца съ Кавказа» или «несчастные» таджики или азербайджанцы, имъ немедленно отводятся земельные участки подъ строительство мечетей. Происходить это по всѣй Россіи, въ городахъ и сѣлахъ, которые никогда не были мусульманскими, причѣмъ даже въ земляхъ, которыя являлись для русскихъ сердцевиной православія и откуда расходилась вѣра по всѣй землѣ.

Валентина Сологубъ, «Русь Православная». 2004

Швыдкой – удивительный министръ культуры. Разъ за разомъ онъ дѣйствуетъ противъ интересовъ Россіи практически въ любомъ вопросѣ, будь то вопросы русскаго языка на Украинѣ или вывозъ культурныхъ цѣнностей за границу. Русскому языку – нѣтъ, вывозу культурныхъ цѣнностей – да. Въ любой другой странѣ пребываніе подобнаго челоуѣка на высокомъ посту вызвало бы массу вопросовъ.

Людвигъ Ларсень, «Консерваторъ», 04.04.2003

Тогда не должно ли удивляться самому президенту РФ? Но не всѣ удивляются. Мистеръ Гринда – не удивляется. Онъ даже гордится. Но зрячихъ – всегда меньшинство.

Салабинъ видитъ на сайтѣ «Русскаго вѣстника» уже восьмую, кажется, петицію людей науки и культуры съ просьбой къ пьрезиденту уволить такъ называемаго министра культуры Швыдкого. Отовсюду подписи – отъ Питера до Кабардино-Балкаріи и до Улань-Удэ, въ которомъ будущій министръ когда-то толковалъ студентамъ зарубежную литературу. Но какъ онъ можетъ, пьрезидентъ, уволить своего министра, котораго самъ же и назначилъ – лучшаго изъ всѣхъ невысказанныхъ? Одно же изъ первыхъ его рѣшеній, какъ пьрезидента, было: назначить Швыдкого и одарить гражданствомъ зарубежнаго хасида Берла. Неужели непонятно? – это самая дорогія сердцу пьрезидента рѣшенія! Генераловъ онъ пачками мѣняетъ ежегодно, тамъ высокая взаимозамѣняемость, а вотъ въ культурѣ – попробуй-ка найди ещё одну такую дренть! И гринды говорятъ, что нѣча намъ стыдиться, если по первому закону Швыдкого «русскій фашизмъ хуже нѣмецкаго»! Гдѣ онъ отыскалъ этотъ «русскій фашизмъ»? Навѣрное, ночью у себя въ почесухѣ.

А по 2-му закону того же самага министра такъ называемый «русскій матъ» есть проявленіе идентичности, патриотичности и даже самъ чѣртъ не знаетъ, ещё чего.

Нѣтъ, что ни говори, навѣрное, недешево достался этотъ министръ пьрезиденту, вотъ онъ и дожить имъ вопреки всему и вся.

А Салабину дорого заочное знакомство съ Валентиной Сологубъ, публицистомъ изъ Москвы: они съ ней, не стовариваясь, одновременно стали говорить о «швыдкультурѣ» – да только Михель Фимычъ ещё пуще возгордился, а пьрезидентъ не публицистовъ читаетъ, онъ читаетъ рапортички доуѣренныхъ помощниковъ.

Но вот летучая гряда патриотической публицистики рѣдѣть и рѣдѣть. Не видно больше статей Валентины Сологубь, не стало работ Ксении Мяло, неизвѣстно, что съ Валеріемъ Герасимовымъ въ Нью-Йоркѣ, возникъ ненадолго и сразу пропалъ Александръ фонъ Бринкенъ изъ Швейцаріи, упекли въ колонию главъреда «Руси Православной», а профессора-юриста побили о поль институтскаго туалета («мочить въ сортиръ!») и еле отпустили на лѣчение.

На эспланадѣ у Гостиного Двора ещё продаются газеты «Завтра», «Дуэль», «Спецназъ Россіи»... Пока ещё не достаютъ чужія руки до «Русскаго неба», чей серверъ устроенъ въ Техасѣ по благословенію зарубежной Р П Ц... Но персистентъ умѣло убѣждаетъ іерарховъ зарубежья воссоединиться – а это онъ умѣетъ. Персістент – это не хухры-мухры, это цѣлое англійское прилагательное!

Несмѣняемая секретарь «Русской мысли» Вѣра Мелентьевна оповѣстила всѣхъ состоявшихъ по списку, что клубъ вынужденъ перейти подъ покровительство партіи Зюганова, поскольку стало невѣроятно трудно съ помѣщеніемъ. Но Салабинъ помнилъ выборы 1996 года и рѣшилъ, что подъ крышей «Исава» Зюганова дѣлать ему нечего.

А партіи продолжали плодиться и размножаться. Прежняя «НДР» переименовалась въ «ОВР», а послѣ серии пересадокъ и перелицовокъ оказалась на томъ же мѣстѣ подъ фанеркой «ЕдРа» – «Единой Россіи». Параллельно создали, въ подражаніе двухпартійной схемѣ англосаксовъ, «Справедливую Россію».

Что и требовалось доказать, – резюмируетъ Салабинъ, – и эсеровъ есть у насъ, и троцкистовъ полноъ классъ!

Старые гайдари-чубайситы теперь назвали «Союзомъ плавыхъ силъ»... Надѣются, что ихъ не уличатъ въ подлогъ!.. И Салабинъ пускается поучать всѣхъ и вся, въ томъ числѣ и васъ, читатель, что исторически правые – это національ-консерваторы, черносотенцы, православные люди – и не обязательно богатые, ихъ было множество очень скромнаго достатка. А внезапные «правые» сегодня – потомки выходцевъ изъ Речи Посполитой и съ родины предковъ Чубайса, которымъ ненавистна Русь. Только кой-кого изъ нихъ чубайсы оттерли отъ лакомыхъ мѣстечекъ – вотъ и возникло «гражданское общество».

И, наконецъ, поочередно тонуть и выныриваютъ партія «Родина», «Патріоты Россіи», «Великое Отечество», «Великая Россія», «Партія развитія», Движеніе развитія... Даже сочинитель побѣдоносныхъ романовъ Александръ Андреевичъ рѣшилъ возглавить партію «Союзъ» (потомъ она растаяла – и онъ пошѣлъ въ «Изборскій клубъ»).

А то есть ещё и національ-большевистская – и тоже во главѣ съ писателемъ!.. Послѣдній, правда, отличился: хотѣлъ своихъ людей вооружить вполне желѣзнымъ образомъ – и пришлось ему нѣсколько лѣтъ провести съ соратниками въ тюрьмѣ.

Но говорить о былыхъ предтечахъ партійныхъ соцвѣтій и соплодій – почти забытой «Памяти», полузабытомъ «Русскомъ Национальномъ Соборѣ» генерала (КГБ) Стерлигова, задушенномъ РНЕ* – не просто горько, а просто стыдно.

Красовъ утѣшается той мыслью, что *время, значитъ, ещё не пришло...*

* * *

А Красовъ человекъ наблюдательный: подмѣтилъ у брадатаго Маркса уязвимое мѣсто – всѣй марксовой теоріи лукавство. Кумиръ міровыхъ революціонеровъ бѣтъ исключительно по національной промышленности, которая создаётъ настоящую *прибавочную стоимость*, – по реальной экономикѣ бѣтъ. Но этотъ смѣльчакъ, ниспровергатель и прочая – и на десять шаговъ не подступаетъ къ ростовщикамъ, банкирамъ, спекулянтамъ, жрецамъ ссуднаго капитала – кто деньги творитъ изъ воздуха биржи. И вѣдь умно поступаетъ, не обижая своихъ соплеменниковъ – творцовъ распила, отката, разводки и прочихъ достижений лѣваго еврейскаго генія!

Всѣхъ национальныхъ, правыхъ, *отечественныхъ* р-разоблачаетъ – и прячетъ за декорациями революцій – кого? – капиталъ международный, транснациональный: планетарныхъ управителей разбоя.

Ничего страннаго въ томъ, что хозяева денегъ – враги всего національнаго. Всѣ, что для человека

* «Русское национальное единство» (ООПД РНЕ) А. Баркашова.

своё, *отечественное*, для международного банкира – помеха и препятствие. Банкирь желает «раздавать» кабальные кредиты и умножать свои барыши, нагромождая пирамиды фиктивных ценностей. На них он скупает сразу же реальную, физическую собственность *«независимо от национальности»* – и только так!..

Банкирь-глобалист – враг всему, что ни на есть отечественного, а в первую очередь – культуру. Как только он присвоил себе чужую национальную экономику, то принимается за культуру, информацию, образование – за воспитание транснациональной черни, пролетариата, интеллигенции, охлоса.

Даже не так: не «как только»... К моменту завладения шахтами Донбасса, сахарными заводами Малороссии и банками Петербурга они *уже* владели всею печатью, всеми шинками и почти всеми кабаками империи, всеми кафе-шантанами, львиной долей философии, военной медицины и немалой частью церковных кафедр.

А пролетарий, уточняет нам Красов – он совсем не тот благородный герой, желавший счастья человечеству, о котором сочиняли стихи свтловы и безыменские. Это малоценный, неквалифицированный разнорабочий, не владеющий мастерством, но всегда готовый бунтовать. Теория брадатаго экономиста держится на внутренне напряжённой конструкции натяжек, умолчаний и перегибов.

Это уразумев, человек неминуемо скажет: «Приехали!». Далее он делает вывод, что надо либо подчиниться хозяевам денег, попросту ставь их рабом, либо защищать всё то, что ещё сохранилось от его культуры, от его государства и отеческих традиций.

У Салабина к хозяевам денег отношение инстинктивно-брезгливое. Он с детства их различал очень ясно; а потом ещё интернет показал ему всяких барухов, рокфелей и ротшилей – в придачу к примелькавшимся и скоро позабытым гусинским, ходорковским и путичинским. Они не унаследуют царствия Небесного, да у них и помысла нет о нём, кроме понятий обращения с деньгами и с партнёрами.

Если барухов и борухов Салабин сторонился инстинктивно с самого детства, то осознанным поведением это стало позднее – не вдруг, а постепенно... Совсем незамётно: стало, случилось, произошло. Чтению благодаря, навёрно. А может, матери благодаря. И может быть, благодаря телевизору позднейших времён.

А преподобные усопшего времени по-прежнему нам говорят, как слёдует себя вести... «Ибо время близко». Ο καίρός γαρ εγγύς...

* * *

– Маруся, ты с Ростиком давно не общалась?

– Давно!

– Даже по телефону?

– Как-то так...

Когда ей было год-другой, – говорит себе обезкураженный отец, – а Ростиславу одиннадцать-двенадцать, то он охотно возился с сестрёнкой... Вдь я Наталью настроил родить второго ребёнка, чтобы Ростик не остался в мир один. А теперь он выбирает одиночество.

Как совладать с этой жизнью? А никак. Уже столько суетильников разума повидаль Салабин, а конец один. Уже и великий ужасный Кацкун истлвает в могиле – бывший бог морей, а потом – карабась постсоветских колбас. Земной конец – один. А далее – не нам судить.

Телефонный номер сына он набирает, сам замечая, что волнуется.

– Ростик, это отец. Как дела?

– Нормально.

– Ты уже освободился?

– А ты чего хотел?

– Услышать, узнать... Я в город провздом. Послзавтра улетаю.

– Счастливо!

– Думал, повидаемся.

– А зачём?

– Ну, как?.. Мы же родные люди.

- Нѣтъ. Мы чужіе.
- Ростикъ, ты что говоришь?
- Ну а что мнѣ говорить?
- Это кто тебя научиль?
- Меня никто не училь.
- Дуся-Маруся тебѣ привѣтъ передаётъ.
- Будеть надо, я ей позвоню.
- Ожесточѣнный ты... Ладно, Богъ съ тобой!..
- Какой ещё богъ?
- Счастливо.
- Пока!

Дѣти намъ не принадлежать, это понятно. Но мы имъ хотимъ принадлежать. Только какъ этого хотѣть, если мы имъ не нужны, а видимую жизнь они воспринимаютъ не какъ постепенную порчу, а какъ норму вещей. Вотъ сынъ уже вычисляеть, сколько ему до пенсіи лѣтъ. А отецъ прикидываетъ, успѣть ли что-нибудь стоющее написать. А кто читать-то будетъ?

Однако жъ и заявленіе, что я ему чужой... Это съ голоса Натальи. Съ нея могло статься и такое: сказать сыну, что не онъ ему отецъ. Раздѣляй и царствуй!.. Подлость, подлость!..

А вѣдь Ростикъ не поздравиль отца съ днёмъ рожденія – это въ первый разъ такое. Салабинъ дней рожденія своихъ не отмѣчалъ и поздравленій себѣ не бралъ на замѣтку, но... чтобы Ростикъ?!

Эхма!.. Не поѣхать ли въ Рыбацкое къ Красову? Когда ещё увидимся? Поѣду!

Изъ Ульянки до Рыбацкаго – полтора часа на метро. Достаточно, чтобы оглохнуть отъ грохота вагона и прійти въ стоическое состояніе духа. Потому что наше метро самое гремящее въ мірѣ – только кievскому уступитъ...

* * *

Созвонившись съ Дмитріемъ Красовымъ, который искренне ему обрадовался, Салабинъ сначала выслушалъ не очень краткую лекцію съ критикой нечистаго разума, а когда предложилъ «не по телефону», тотъ пригласиль его къ себѣ, поскольку ему «суставы прихватило».

«Молодь ещё жаловаться на суставы! – удивиль Салабинъ. – Хотя у каждого своя біографія съ біохиміей...»

Домъ, гдѣ была квартира Красовыхъ, стоялъ на высокоомъ берегу Невы, отдѣлѣнный отъ рѣки только проѣзжей частью улицы. «Красота!» – отмѣтилъ Салабинъ.

День былъ выходной, Красовъ съ женой были дома; отсутствовала только дочь 25 лѣтъ. Едва представиль гостя женѣ Вѣрѣ Николаевнѣ, Красовъ потащиль его въ свой кабинетъ, на ночь превращаемый въ спальню. Квартира была типичной двухкомнатной, зато кухня въ два съ половиной раза превосходила салабинскую.

– Пока тамъ жена столь готовить, мы тутъ побесѣдуемъ!..

Хорошо, что Красовъ по телефону упомянулъ про жену – и Салабинъ не удариль въ грязь лицомъ: прибыль съ виномъ и цвѣтами.

Они пробесѣдовали почти три часа – и это тоже было пиршество, хотя прозаическую цѣль своего визита – спросить совѣта о будущемъ трудоустройствѣ – Салабинъ не осуществиль.

– Я вамъ развѣ не говорилъ, что меня выкинули изъ высшей школы?.. Я теперь люмпень – центральный привратникъ Маріинскаго театра.

Салабинъ хлопнулъ себя по лбу.

– Я это какъ-то упустиль... А про Маріинскій впервые слышу. И жаль, что я не настолько театраль, чтобы воспользоваться!..

Посмѣялись оба.

– Быль забавный случай: я стою на контролѣ, подходит мадамъ и шестеро сопровождающихъ... «Я на концертъ моего сына, а эти – со мной!..» И тутъ я опростоволосилься. Спрашиваю: «А вы кто?» – Я Солженицына! – «Простите, и что?..» (Тутъ меня толкаютъ и яростно шепчутъ: «Игнатъ Солженицынъ – ея сынъ!»). Ладно, онъ ея сынъ – и что? И тутъ вижу афишу въ вестибюлѣ: Игнат СОЛЖЕНИЦЫН, фортепиано. Такъ что и въ Маріинкѣ почва подо мной зашаталась было!..

А то ещё как-то вечером: подкатывает к театру лимузин, а из театра одновременно выходит ну вылитый Генри Киссинджер, передь ним распахивают салон, он садится, дверь захлопывают – и лимузин буквально исчезает!.. А потом мнѣ коллеги говорят, что это был-таки он!

– Да, философу работать привратником театра противопоказано! – печально произнёс Салабинь. – А вѣдь нѣсколько лѣтъ назад, Дмитрій Михайлович, питерское радио докладывало, что на каком-то форумѣ Киссинджера назначили уполномоченным по Петербургу и сѣверо-западу Россіи. Съ той поры наш главнокомандующій разь или два обѣдалъ в домѣ у Киссинджера и даже гладилъ его домашних животных.

– Да, есть вещи, мой другъ Гораціо... – кивнулъ Красовъ.

– А когда одинъ публицист, казачій полковникъ Наумовъ, сталъ возмущаться тѣмъ, что Клинтонъ похлопываетъ нашего главкома по плечу, то его убили на полпути к подмосковной дачѣ.

– Да, мой другъ Гораціо... – повторилъ Красовъ; а послѣ паузы продолжилъ:

– Философъ можетъ быть привратникомъ подобно Платону, написавшему на воротахъ своей Академіи: «Не-геометрамъ входъ воспрещёнъ». Потому что безъ математики – идею просто не на что привить! А идея рождена математикой! Геометрія – это вѣдь наглядная часть математики: самый минимумъ, проходной балл!..

– Да, было время, и было мѣсто, гдѣ проходной баллъ измѣрялся не имущественнымъ цензомъ.

– Да, и время, и мѣсто... – повторилъ хозяинъ дома, выразительно посмотрѣвъ на гостя.

– А ваши суставы, Дмитрій Михайлович, простите, это не вслѣдствіе службы в Заполярѣ?..

– Нѣтъ, нѣтъ, не думаю... Даже знаю, что не в этомъ причина... Когда-нибудь расскажу... Было время и мѣсто! Было!..

– Неужто «скелеты в шкафу» ?

– Но сначала надо будетъ рассказать вамъ о чудесномъ мѣстѣ на землѣ, о городѣ Полтавѣ... Не бывали тамъ?

– Нѣтъ, в Полтавѣ не бывалъ!

– Одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ на землѣ. Но Кравчукъ и Ельцинъ отобрали мою малую родину.

– И у васъ никого тамъ не осталось?

– Осталось, какъ не осталось: пропавшій безъ вѣсти братъ, куча одноклассниковъ, даже квартира родителей осталась... Молодая семья её снимаетъ, но тѣ деньги, что они должны переводить, такъ обезцѣнились, что теперь они ихъ тратятъ на текущій ремонтъ.

– А братъ вашъ какъ пропалъ?

– Мой младшій братъ... Онъ выпивалъ. И вообще любилъ срываться съ мѣста и пускаться куда глаза глядятъ. Куда поѣхалъ – туда не пріѣхалъ... Пропалъ!

Замолчали.

– Благодаря вам я познакомился съ Петромъ Николаевичемъ, но знакомства пока не получилось, потому что нежданно-негаданно намъ встрѣтилась Ирина... Ничего не узналъ о нёмъ, кромѣ того, что инженеръ, что бѣлоэмигрантъ... Вы давно знакомы?

– Около полугода. Время отъ времени встрѣчаемся, бесѣдуемъ – но никогда о личномъ. Я чувствую в нёмъ какую-то тайну, или хуже – личную трагедію...

«Ну, этимъ никого не удивишь...», – молча вставилъ своё Салабинь.

– ...Мнѣ кажется, онъ очень одинокъ.

– Даже здѣсь, в Россіи?

– Онъ сказалъ мнѣ, что в Россію бѣжалъ отъ одиночества. Но не пояснилъ, а я не сталъ спрашивать. Придѣтъ время – расскажетъ.

– Самое ужасное, по-моему, это за границей резидентомъ... Пострашнѣй, чѣмъ камера-одиночка. И онъ инженеръ – почему бы нѣтъ?.. Могъ быть советскимъ агентомъ, оттого и бѣжалъ. Но это я фантазирую. И не мой это сюжетъ, не мой интересъ...

– Это мой интересъ, – сказалъ Красовъ и показалъ на книги съ торчащими изъ нихъ закладками: «Б.С. Антоновъ. Начальники советской военной развѣдки». «Ованесянъ. Трагедія 1941 года». – Вѣдь когда товарищъ Ежовъ смѣнилъ товарища Ягѳу, Сталину что было нужно? Обезопасить агентурную сѣть, состоявшую на девять десятыхъ из лицъ интересной національности, – и плавно её заме-

нить менѣ колоритными персонажами. Но Ежовъ поступилъ грубо и топорно: вызвалъ въ Москву сразу всѣхъ резидентовъ, а тѣ вѣдь постоянно обмѣнивались «температурными» сводками... Сообразили, что къ чѣму. Переметнулись, покупая себѣ жизнь. Одинъ сдал сотню агентовъ-нелегаловъ. Другой – шесть десятковъ. А третій – ещё сотню!.. А всего по Европѣ было порядка трёхсотъ советскихъ агентовъ. Четвёртый резидентъ, под кличкой Орловъ, предупредилъ московское начальство, что если съ его головы или членовъ его семьи упадѣтъ одинъ волосъ, то он сдастъ «кембриджскую четвёрку»!.. А цѣнность этихъ агентовъ изъ высшаго британскаго общества затмеваетъ всё и вся, что мы знаемъ въ исторіи развѣдокъ! Такъ остались неприкосновенными самые безкорыстные и самые свѣдущіе агенты Кремля въ Западной Европѣ. Косвенно и мнѣ развѣдка помогла... – Красовъ хитро улынулся.

– Интересно!.. Какъ?

– Когда я былъ старшимъ офицеромъ батареи, у меня произошёлъ конфликтъ съ комбатомъ, рѣдкой сволочью, это всѣ признавали, кто его зналъ. Но это я когда-нибудь потомъ... Въ итогѣ, выходя на гражданскую службу и надѣясь послужить философіи и народному образованію, я получаю замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ характеристику, кромѣ двухъ послѣднихъ строкъ: «Презираетъ комсомоль и высмѣиваетъ учебную дисциплину – исторію КПСС». Всѣ! Кранты! Каюкъ! Это полная невозможность работать по квалификаціи. Но я съ ослинымъ упорствомъ ходилъ по отдѣламъ кадровъ, и на второмъ году мытарствъ и случайныхъ подработокъ встрѣтилъ наконецъ кадровика, который оказался бывшимъ резидентомъ ГРУ въ небольшой европейской странѣ... Онъ пострадалъ изъ-за одного перебѣжчика и былъ вынужденъ срочно спасаться... Но голова-то у него на мѣстѣ! Сталъ вѣдать кадрами въ академической системѣ. А какихъ людей берутъ въ резидентуру? Обладающихъ феноменальной памятью. Онъ можетъ сидѣть съ удочкой въ камышахъ, а въ головѣ у него – чтò, гдѣ и какъ у того и другого, третьяго и сотаго изъ его подотчѣтныхъ. Вотъ такой человекъ первымъ понялъ, какъ и почему я оказался въ безвыходной ситуациі, а ещё лучше онъ понялъ, что я за человекъ – и взялъ меня научнымъ редакторомъ въ академическую библиотеку. Тамъ и отработалъ я почти пять лѣтъ. И моя новая характеристика перекрыла прежнюю, армейскую.

– Свѣтъ не безъ добрыхъ людей...

– Онъ просто честный и компетентный. Ну и, само собой, не трусь, не чинуша – а настоящій полковникъ.

– Да, полковникъ ГРУ – это не какой-нибудь «генералъ арміи Крючковъ» во главѣ КГБ и въ составѣ ГКЧП.

– Ой не напоминайте!.. – Красовъ сдѣлалъ видъ, будто сплюнулъ. – Карьеристъ, приспособленецъ, трусь...

– Дмитрій Михайловичъ, я собирался спросить, знаете ли вы такого философа – Гурулёва...

– А вы мои мысли читаете! Я уже думалъ спросить васъ о писателѣ Гурулёвѣ!..

Они оба воззрились другъ на друга и невесело разсмѣялись.

– Когда я жилъ одинъ послѣ перваго развода, – началъ Красовъ, – въ тёмной комнатѣ на Чайковскаго... Гурулёвъ приводилъ ко мнѣ изъ Дома писателей молодыхъ вундеркиндовъ для продолженія банкета... Я ихъ наслушался тогда. Лысо-кудреватые городскіе мальчишки, трепачи безъ понятія о настоящей жизни, а непревзойдённымъ среди нихъ былъ, конечно, Гурулёвъ, трепачь-профессіоналъ...

– Тогда вы не могли не читать его беллетристику, такъ сказать.

– Я пробовалъ. Но не пошло. Поэтому и спрашиваю васъ какъ его коллегу – писателя.

– Мнѣ трудно считать его коллегой...

– Вы не философъ, а онъ не писатель – такъ понимать?

Салабинъ задумчиво потёръ переносицу.

– Съ вами, Дмитрій Михайловичъ, у меня сложились довѣрительныя отношенія, которыми я допущу... Не скрою: я болѣе кажусь себѣ философомъ, чѣмъ Гурулёвъ мнѣ кажется писателемъ.

– Я такъ и думалъ! – подхватилъ Красовъ.

– Конечно, не мнѣ судить доктора философіи, – поскромничалъ Салабинъ (тутъ Красовъ произвѣлъ нарочито шумный выдохъ), – но...

Договаривать Салабинъ не сталъ, а Красовъ ловко измѣнилъ предметъ бесѣды.

– Вотъ за кого благодарю судьбу – такъ это за Генриха, за Батищева... – голосъ Красова замѣтно потеплѣлъ. – Онъ всегда говорилъ со мной напрямикъ, безъ обиняковъ, какъ съ равнымъ себѣ.

Убѣждалъ, что всё, мной усвоенное отъ него, я долженъ высказывать какъ своё собственное, потому что человекъ буквально всё перенимаетъ по-своему... И такъ же напрямикъ онъ высказался обо мнѣ въ письмѣ моему начальству: «съ искрой, но безъ фундамента...». Само письмо Батищева – поступокъ удивительный. Возможно, онъ хотѣлъ облегчить мнѣ выѣзды въ Москву на конференціи въ Институтъ философіи, но хорошо уже то, что письмо и не помогло, и не помѣшало... Зато лыскокудреватые мальчишки-философы перемывали мнѣ косточки: «О насъ бы такъ, хотя бы такъ» – съ искрой, но безъ фундамента!.. Вообще судьба мнѣ дарила подарки. Жена у меня – такой подарокъ. Для нея мужъ, безъ преувеличенія, чтò гарантъ конституціи. У меня вѣдь случались періоды, когда я вылеталъ съ кафедры, былъ безъ работы... И хотя бы стонъ или упрёкъ отъ нея!.. Наоборотъ: она добытчица, кормилица, хозяйка лѣсныхъ даровъ и прочая. И умница притомъ! Она видитъ суть лѣса за деревьями. Читали мы съ ней «Войну съ саламандрами», а потомъ случилось читать «Тихаго американца». Она и говорить: «Слушай, такъ это же объ одномъ и томъ же!»

«Потому она и мужа понимаетъ!», – молча воскликнулъ Салабинъ.

Имя Гурулёва вскорѣ снова прозвучало.

– Въ питерскихъ философскихъ кругахъ многіе годы правилъ такъ называемый «каганатъ» – по фамиліи профессора Кагана, обладавшаго непререкаемымъ авторитетомъ. Однажды молодой кандидатъ наукъ, Вася Назаровъ, публично всталъ на сторону профессора-марксиста Лифшица въ его спорѣ съ Каганомъ. А потомъ Гурулёвъ молодому Васѣ и говорить: «Вася, ты забылъ, гдѣ живёшь? Тебѣ въ Питерѣ дѣлать больше нечего! Уѣзжай!»

– Но это, какъ ни крути, не можетъ прибавить уваженія къ Гурулёву въ моихъ глазахъ, – сказалъ Салабинъ.

– Ну, онъ просто человекъ съ крестьянской смекалкой, хуторской самородокъ. Всегда былъ на карьеру нацѣленъ.

– Тогда зачѣмъ ещё подался въ беллетристику?

– Ха! Въ советское время писатель имѣлъ официальный статусъ и котиrowался какъ властитель думъ, хотя бы въ радиусѣ своего района. Недаромъ Горбачёвъ, не читавшій книжекъ, вообще говорившій безсвязно, поѣхалъ въ больницу къ Леониду Леонову поздравлять его розами съ юбилеемъ, а въ «партийную сотню» горбачёвскаго съѣзда депутатовъ включили пятерыхъ русскихъ писателей.

На это Салабинъ ничего не отвѣтилъ и о писателѣ Гурулёвѣ больше ничего не сказалъ, но продолжилъ о Гурулёвѣ-философѣ. А тутъ и хозяйка призвала ихъ къ столу.

– Когда собчаковцы отмѣнили улицу Гоголя, я сталъ собирать подписи противъ этого рѣшенія и поѣхалъ въ педвузъ къ нашему Гурулёву. Тотъ пробѣжалъ глазами текстъ и говорить: «Пусть сначала подпишетъ NN» – это нашъ общій знакомый, почти академикъ, только я съ нимъ былъ шапочно знакомъ – и отправляетъ меня въ кабинетъ метровъ за двести. Пока я шёлъ туда, Гурулёвъ позвонилъ ему и застращалъ «академика». Конецъ ихъ разговора я засталъ. NN покраснѣлъ и говорить: «Нѣтъ, не могу!»

Я вернулся къ Гурулёву просто чтобы посмотрѣть на него. А тотъ развёлъ руками: «Вотъ видишь, даже люди намъ не чета подписывать не хотятъ!»

Вѣра Николаевна Красова не участвовала въ ихъ бесѣдѣ, но внимательно слушала, слѣдила за предпочтеніями гостя и подкладывала ему на тарелку. Она была сѣверянка: свѣтловолосая, съ тонкимъ удлинѣннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами, оказалась уроженкой тверскихъ лѣсовъ и даже землячкой великаго князя Александра Невскаго.

На Салабина она смотрѣла какъ на хорошо знакомаго, и это поселило въ нёмъ предположеніе, что супруги о нёмъ уже поговорили межъ собой.

– А вѣдь Герцена тоже отмѣнили, – сказала Вѣра Николаевна, – сдѣлали Большую Морскую. Можетъ, поэтому нельзя возвращать имя Гоголя? Есть Большая – должна быть и Малая!

– Да, они такое могутъ намъ сказать. Но есть у насъ Большая Московская, а Малой нѣтъ. Навѣрно, должны теперь её строить?

Вѣра Николаевна разсмѣялась.

– А вы молодець! Вамъ палець въ ротъ не клади!

– Напротивъ: дочка меня жалѣеть! «Папа, какъ тебѣ трудно живѣтся! Ты бы у всѣхъ ошибки исправлялъ!» Но она со мной заодно: стала склонять Колпино, Пулково, Купчино...

– Въ Купчинѣ? – спросила Вѣра Николаевна.
– Да, – упрямо кивнулъ Салабинъ, – такъ было всегда на Руси: въ селѣ Карачаровѣ, въ сельцѣ Шамординѣ и на поляхъ Бородина.

– Ты видишь, Вѣруня, какой боець у насъ въ гостяхъ!
– Вижу! – со смѣхомъ откликнулась хозяйка. – Даже хочется ему помочь! Геннадій Серафимовичъ, вы ещё этого не отвѣдали!..

– Потому что глаза разбѣгаются!.. Спасибо, спасибо!
– Вы кушайте, кушайте...
– Вы спрашивайте, спрашивайте!.. – срифмоваль Красовъ.
– Обязательно! – отозвался Салабинъ. У него складывалось приподнятое настроеніе, какъ въ памятный штормъ на Мраморномъ морѣ, а тутъ и заброшенная философія, не помня обидъ, сама просится въ руки.

– Дмитрій Михайловичъ, а въ чёмъ расходились Лившиць и Каганъ?
– Въ чёмъ расходились – это вторично и несущественно. Имъ было что дѣлать: авторитетъ и власть въ такъ называемой наукѣ. Надо понимать, что чистая философія закончилась давно. Можно сказать, что послѣднимъ настоящимъ философомъ былъ Сократъ... и отчасти Платонъ. Но всё испортили Сократъ и сократики... Помните, что Хайдеггеръ сказалъ? – «Философствованіе какъ образъ жизни было испорчено политикой.» Вспомните, какъ Сократа заставили яду принять! Правда, британские учёные считают Сократа, наоборотъ, первымъ настоящимъ философомъ, повернувшимъ отъ природы къ человѣку...

– Именно британскіе?... – озадаченно переспросилъ Салабинъ.
– А вы не слышали такого выраженія? – удивился Красовъ. – Это же фольклоръ, когда надо высмѣять глупую теорію, заводятъ рѣчь о «британскихъ учёныхъ, которые доказали... ну и такъ далѣе, ну и молодцы!»

– Митя, да и ты не зналъ бы этого, – вступилась Вѣра Николаевна, – если бы не слушаль «Бизнес-ФМ».

– Вѣрно, – кивнулъ Красовъ. – Такъ на чёмъ я остановился?... Сократъ выпилъ яду, а Спинозу лишили средствъ пропитанія и обрекли на голодную смерть, потому что философія стала политикой. Въ новое время было одно свѣтлое исключеніе – Григорій Сковорода...

Салабинъ терпеливо ждалъ, когда Красовъ станетъ отвѣчать на его вопросъ.
– А уже въ наши дни каганы и лившицы боролись за распределеніе благъ и привилегій, и Мамардашвили мнѣ лично сказалъ, что религіозная философія не можетъ имѣть никакого значенія, – конечно, былъ неправъ, и послѣ этого умеръ.

– Какъ это было?
– Мамардашвили – крупный, въ общемъ-то, философъ, хотя не чуждый эстетизма. Я задалъ ему лобовой вопросъ: признаётъ ли онъ значеніе религіозной философіи? Подразумѣвалъ, конечно, что вся русская философія – религіозна по опредѣленію. И такъ, спросилъ... А онъ нервно отвѣтилъ: нѣтъ! Но когда я напослѣдокъ уходилъ, уже при шапочномъ разборѣ, то вижу: онъ ищетъ кого-то глазами – и наши взгляды встрѣтились... Пока я дѣлалъ шагъ-другой къ выходу, онъ смотрѣлъ на меня, не отпуская, словно вотъ-вотъ кивнётъ: да, значеніе имѣеть. А можетъ – и кивнулъ... Хотя, можетъ, показалось... Но думается, онъ пожалѣлъ о своёмъ «нѣтъ». А какъ онъ умеръ, ты въ курсѣ?

– Нѣтъ.
– Гамсахурдіа, оказавшись президентомъ Грузіи, лишилъ Мамардашвили гражданства. Философъ кинулся въ аэропортъ летѣть въ Тбилиси – и умеръ у стойки регистраціи. Да, вотъ такъ политика портитъ философію... Марксъ и Энгельсъ политиками были больше, чѣмъ философами – а почему? Потому что уже не истину искали и не «чарующихъ размышленій», а создавали систему... И русофобія была въ ней краеугольнымъ камнемъ. Фобія – слово ещё слабое! Оба просто ненавидѣли Россію...

Для Салабина это новостью не было, и онъ Красова не перебилъ.
– Напримѣръ, свою теорію классовъ они выдерживаютъ строго, но... Пока рѣчь не заходитъ о Россіи! Они пишутъ, что къ націямъ непримѣнимо дѣленіе на реакціонные и прогрессивные – но, говорятъ эти мудрецы, могутъ быть исключенія: «...напримѣръ, Россія». И это клейменіе Россіи было такъ прочно, съ такимъ удовольствіемъ усвоено Западомъ, что всѣ социалисты приняли его

на вѣру, нѣмецкіе соціаль-демократы съ энтузіазмомъ голосовали за военные кредиты на войну съ Россіей, а Ленинъ мечталъ о пораженіи Россіи въ этой войнѣ и добивался капитуляціи уже красной Россіи («Брестскаго мира»), практически въ одиночку выкручивая руки членамъ ЦК: «Иначе я обращусь прямо къ народу!» А вѣдь запугаль!.. Всякая «кухарка, управляющая государствомъ», абсолютно не хочетъ войны! И сегодня мы видимъ, какъ русофобія – нѣтъ! – русоненавистничество! – опредѣляетъ ходъ міровой политики.

– Я зналъ иностранцевъ, влюблённыхъ въ Россію... И даже – просто въ русскихъ, – сказала Салабинъ.

– Но не въ Турціи же?

– Въ Турціи любятъ русскихъ невестъ, но чтобы Россію?.. А въ Европѣ находятся люди, какъ правило, образованные, которые любятъ и Россію, и даже русскихъ... Самый замѣтный случай, по моему – поэтъ Рильке. Онъ даже стихи началъ писать по-русски. Любилъ православную Русь... Вотъ не знаю, сталъ ли онъ православнымъ. Но Европа не знаетъ о Рильке самага главнаго для насъ, ихъ энциклопедии сообщаютъ, что Рильке былъ какое-то время секретарѣмъ Огюста Родена, и перечисляютъ названия его книгъ, но заикнуться о томъ, что вотъ конкретная книга – вся посвящена Россіи, это свыше ихъ силъ... А ещё я зналъ немца изъ Мюнстера, который говорилъ: «Россія – это мой наркотикъ!» – бредилъ Россіей...

– Кьеркегоръ и Шеллингъ, отходя от лютеранства, сильно сближались съ Православіемъ на почвѣ патристики...

– Это... богословіе Отцовъ Церкви? – спросилъ Салабинъ.

– Да, въ первые семь вѣковъ.

– Неудивительно, что изученіе богословія требуетъ всей жизни. А изученіе Россіи, славистики, или той же арабистики? – то же самое!.. На это и жизни не хватаетъ! Какъ тутъ не «убояться бездны премудрости», подобно Цыфиркину у Фонвизина!

– Поэтому многіе учёные доктора и кандидаты ничего не изучали и не изучают. Въ отдѣлѣ диссертаций академической библіотеки мнѣ открылась преисподняя макулатуры, переписанной по многу разъ!

Салабинъ сочувственно улыбнулся. Онъ за недолгое время вращенія на философскомъ факультетѣ усвоилъ эту печальную истину.

Однако за окномъ уже темнѣло, пора была и честь знать. Всѣ слышанное, сказанное и невысказанное сплелось и проросло одно въ другое, пульсируя въ головѣ у Салабина тихой музыкой.

Она ещё долго будетъ оживать у него въ турецкой меблированной квартирѣ, а онъ станеть дѣлиться ея варіаціями съ новыми товарищами на родинѣ. Къ счастью, черезъ полгода онъ съ чужими берегами простится окончательно.